

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кудашова,
В. Лебедева-Кумча, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

№ 2 (853)

10 января 1940 г., среда

Цена 30 коп.

Литература «малых» народов

На хетагурских торжествах в г. Орджоникидзе г. Сталинграде на митингах встречи труящихся Северной Осетии с гостями выступали писатели целого ряда литераторов, которых просто и не существовало в дореволюционной России. Мы уже привыкли на наших праздниках культуры, на наших литературных юбилеях к этим горячим демонстрациям братства и дружбы народов, как к чему-то вполне естественному. В жизни нашей литературы стало обычным, что якутский поэт приезжает за тысячи километров из страны сурового севера, чтобы поклониться памяти поэта другого маленького горного народа, чтобы воспеть его имя, чтобы перенести и для себя его стихи. Но пусть не заслонят от нас эта праздничная страна юбилея действительного величия знания событий, которые происходят в нашей культуре и литературе. Юбилейные праздники возникают потому, что будни народов преобразились. Может быть, одним из самых разительных результатов ленинско-сталинского национальной политики является возрождение, восстание из тьмы и неизвестности, приобщение к социалистической культуре, творческий, поэтический расцвет таких называемых «малых» народов и племен. Кто эти люди?

Если русский читатель в какой-то, хотя и очень небольшой степени, до революции мог иметь представление о литературе нескольких древних, численно больших и культурно крепких народов — как литературе украинской, грузинской, азербайджанской, армянской, татарской, белорусской — то о литературе других народов, населявших Россию, читатель часто и не подозревал. В своей речи на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. товарищ И. Сталин говорил:

«Кто мог подумать, что старая царская Россия представляется не менее 50 национальностей и этнографических групп? Одна Октябрьская революция, первая старая цена и вывивнув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие».

Эта новая жизнь и новое развитие изменили свое выражение, в частности, и том, что произошло и происходит оформление литературы этих народов. Происходит восстановление в своих правах перед читателем (не только перед читателем своего народа, но и русским читателем) забытых гениев прошлого. Зарождается и развивается новая советская литература. В годы, когда произошла эта речь товарища Сталина, собственно, еще и не существовало современной якутской литературы. Только в том году поэт Эдий напечатал первое свое стихотворение. А теперь у нас есть уже и якутская советская литература, как есть литературы осетинской, каракалпакской, мордовской, коми, кабардинской, марийской, лезгинской, аварской, шорской и многих десятков других «малых» народов.

Слова «малый» народ или «малая литература» отныне могут употребляться у нас лишь в кавычках, лишь в отношении численной характеристики народов. Нет и не может существовать у нас в культурном, национальном смысле малых народов. Все наши народы — великие народы, народы, полные созидательной энергии социализма.

Каждый день приносит нам подтверждение этой мысли. Сулейман Стальский слал свои стихи на киринскую наречию эзинского языка (то-есть на наречии, на котором говорят в СССР едва ли двадцать — тридцать тысяч человек). Но на этом наречии Сулейман сумел найти такие слова и образы, которые, будучи переведены на русский язык, сделали легендарного поэта одним из любимых поэтов всех народов Советского Союза и показали, как много чувства и мыслей человека стальной эпохи можно найти на любом языке. Из сравнительных малоизвестности, ни была культурная отсталость, ни была нарезанность языка не помешали вырасти сегодня в настоящих поэмах и поэтах народа и быть награждеными орденами за свою литературную деятельность ни аварцу Гамзату Цадасса, ни арз-мордовской сказительнице Фекле Бессюбовой, ни алтайщице Пугу Течеушу, ни туркмену Ата Салиху, ни осетину Арсению Коцоеву, ни еще многим известным поэтам и писателям «малых» народов.

Тот процесс творческого расцвета, сопровождавшийся и национальной оформлением, обогащением и оформлением своего языка, происходящий у так называемых «малых» народов, о котором говорил товарищ Сталин в 1925 году, этот процесс приобретает все более широкий размах. Сегодня уже можно говорить о том, что этот процесс начинает влиять и на развитие всей советской литературы, потому что литературы «малых» народов уже вышли и выходят из стадии младенческой, первоначальной.

Литературы так называемых «малых» народов при этом представляют особый интерес для понимания путей развития национального искусства. «Малые» народы в прошлом в гораздо большей степени, чем такие крупные народы, как украинцы, белорусы и др., подверглись ассимиляторской, колониальной политике царизма. «Малые» народы (по крайней мере

большинство из них) были низведены патриотизмом из особенно низкий уровень культуры. Декабрист Рылеев писал о Якутии:

Нието страны сея безотрадной,
Обицнной узников тюрьмы,
Не посетит, боих зимы,
И продолжительной и хладной,
Однообразно жизнь ведет
Якутский житель одиничный...

Эти слова могли бы раньше повторить о себе и комы, и мордвы, и марийцы, и умурты, и еще десятки народов. Но, с другой стороны, большая «единицность» (хотя и национальная) «малых» народов в русскую культуру, большая их близость к общерусской жизни создавала и некоторым преимущества для передовой интеллигенции этих «малых» народов.

Все это не могло не отразиться на развитии культуры и литературы этих народов. И действительно, мы видим, что основоположники литературы «малых» народов, выступавшие еще до революции, это люди, показывающие в своем творчестве, как национально-освободительная борьба соединяется с передовыми веяниями русской культуры, с мотивами и традициями творчества Некрасова, Чернышевского, Добролюбова. Таковы основоположники осетинской литературы Коста Хетагурова, тавров основоположники казахской литературы Абай Кунанбаев, чувашский поэт Константин Иванов. Таков и Иван Алексеевич Куратов, великий народный поэт и культурный деятель коми, чье столетие со дня рождения ныне празднует вся советская общественность.

Вся деятельность Куратова представляет собой замечательный образец того, как много подсунутых сил и талантов таилось в «забытых» народах. Сын численно малого лесного народа, народа рыболовов и охотников (из древних сагах IX века коми край называлась «страной огненных белок» — «Би-ур-му»), народа, изгнанного из города и почти погибшего, Куратов сумел в удивительно короткий срок не только блестяще проявить себя в самых различных областях литературы, в различных ее жанрах, но и овладеть поистине широкой европейской культурой и положить начало и науке о коми литературе и коми языке. Когда Фет писал о том, что «зрячий Тютчев не придет», он, вероятно, и подозревал, что «зрячие» уже могли выдвигать таких людей, как Куратов, знающих не только Тютчева, но и Шиллера и Бальтерса. Правда, народа — «зрячие» — в масле те времена не издавалось о Тютчеве. Самое прежнее название народа коми — «зрячие» красоречиво говорит об их положении. Но-русские «зрячие» значат отечесственные («зрячие»).

Великий поэт отечественного народа призвал «солнце нашей жизни». Недаром в его стихах так часто появляется этот образ яркого солнца, которое когда-нибудь взойдет над «пармой», над лесной страной. Основные мотивы его поэзии удивительным образом перекликуются и с Некрасовым, и с Чернышевским и Добролюбовом. Гневное изображение уничижения народа, его иништы, бесконечной любви к народа, все это естественно переходит в поэзию революционного протesta. Можно сказать, что этот протест у Куратова (как и у Косты Хетагурова) звучит еще выразительней и громче, чем в целом ряде русских поэтов — современников Куратова. Замечательна у Куратова и та ясность в понимании общности революционных задач и коми народа и народа русского. Он прямо пишет в одном стихотворении, отвечая буржуазным националистам:

Что вы спорите и в ругаль
Фигой дразните друг друга?
«Вони будет русским скоро»...
Ждете вы чего от спора?
Может быть и станет коми
Русским, пением и сумми,
Все равно, судьбу мы сломим,
Об одном мечту лелеем:
Быть культурной, быть умнее.
(перевод И. Молчанова).

Мечта Куратова, мечта всех отечественных народов ныне воплощается под солнцем социализма. Да, это реальная прауда наших дней — возрождение всех народов, и малых и больших, единой советской страны. И само «открытие» Куратова тоже есть часть этого великого процесса культурного расцвета народов. В старой России Иван Алексеевич не смог напечатать ни строчки на своем родном языке. Даже после революции враги народа из числа националистов пытались выкрасить рукописи Куратова, увезли их в Финляндию. И только вышло Куратов возвращается к своему народу. Книги и творения его полностью издаются ныне на коми языке.

Празднование столетия со дня рождения Ивана Алексеевича Куратова — это праздник всех советских народов. Но особенно этот праздник должен быть близок родственным коми народам, как сумы, кармы, мари, умурты, морава. По своей исторической судьбе, по языку, по культуре эти народы прошли в известной степени одинаковый путь.

Эти народы в своем историческом развитии подвергались в прошлом жестокой эксплуатации правящих классов старой России, но сумели, благодаря своей близости к общей русской жизни, впитать лучшие прогрессивные элементы русской культуры. Иван Куратов всей своей светлой жизнью, всем своим многогранным творчеством волею гений народа коми и то лучше, что вошло в культуру коми из жизни и борьбы великого русского народа.

Литературы так называемых «малых» народов при этом представляют особый интерес для понимания путей развития национального искусства. «Малые» народы в прошлом гораздо большей степени, чем такие крупные народы, как украинцы, белорусы и др., подверглись ассимиляторской, колониальной политике царизма. «Малые» народы (по крайней мере

На совещании редакций литературно-художественных журналов

На совещании редакций литературно-художественных журналов речь шла о том, что собираются редакции печатать в январских книгах. Представители журналов «Новый мир», «Беседа», «Знамя», «Интернациональная литература» и «30 дней» рассказали о том, что будет напечатано в первых номерах 1940 года.

На совещании редакций журнала «Литературная учеба». Весь вопрос о том, что собираются редакции печатать в январских книгах, предложен на совещании, заключается в том, что он не самое главное. Участники совещания, заключаются в том, что они не сумеют заинтересовать писателей в своей работе, увлечь их теми залогами, которые стоят перед журналом, привнесшим воспитывать литературную молодежь. Он жив оторван от своих читателей. Редакция печатала много посеребренных статей, написанных скучно, бюрократическим языком. Разве не интересно было бы прочитать молодым авторам о том, как Л. Н. Толстой искал образ Катиши Масловы в «Воскресении», о том, что говорят классики русской литературы друг о друге? Почему нужно печатать исследования о неподнадежном называнием «Элементы обективного стиля Чехова», вместо того чтобы напечатать, что думал Чехов о литературе и искусстве.

А Тарасенков предлагает печатать произведения молодых авторов, подвергая их на страницах журнала критическому разбору и показывая на этом анализу эволюцию произведения от черновика до улучшенного варианта. Он предлагает винимать редакции неопубликованных записных книжек М. Твена, замечаний Горького, рукописей молодых авторов, заметки Маяковского на своих произведениях и т. п.

М. Алигер указывает, что целесообразно связать работу «Литературной учебы» с ее живыми читателями — студентами Литературного университета. Редакция должна быть способна печатать статьи в развитие тем, проходимы студентами, разбирать их произведения. Это помогало бы и студентам, и писателям.

Л. Овадов утверждает, что читатели откликаются на «Литературную учебу» настолько, что она может стать для них настоящим учебником.

Б. Пейсис добавляет, что журнал должен печатать высказывания работников смежных искусств о своем творчестве.

На заседании правления Ленинградского отделения ССРП

В этом году ленинградское отделение издательства «Советский писатель» сильно расширяет свою деятельность. Тематический план отделения на 1940 год, застывший на последнем заседании правления ЛОССП, включает около ста новых книг и поэм и свыше 75 клип стихов.

В 1940 году будет издана новая повесть М. М. Зощенко «Случай счастья» и сборник его избранных рассказов с иллюстрациями художника Киринкина. В этом году выходят «Советский писатель» — старых мастеров советской литературы, таких, как М. Пришвин, В. Вересаев, Н. Никонов, которые могли бы помочь своим литературным опытом, поэзиям, редактировавшим сборники и критиками, способными привлечь читателей.

Здесь не перечислены книги по различным наукам и науке о коми литературе и коми языке. Когда Фет писал о том, что «зрячий Тютчев не придет», он, вероятно, и подозревал, что «зрячие» уже могли выдвигать таких людей, как Куратов, знающих не только Тютчева, но и Шиллера и Бальтерса.

Следующий заседание на котором будут обсуждаться планы издательства на 1940 год.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начинается издание собраний сочинений А. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

Следующий заседание на котором будут обсуждаться планы издательства на 1940 год.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

В 1940 году начнется издание собраний сочинений Ю. Н. Тынянова в 5 томах, однотомника избранных стихов Аны Ахматовой и альманаха ленинградских поэтов.

Новогодние заметки

В. ПЕРЦОВ

В последнее время в «Литературной газете» много отдельных статей. Статьи обо всем и ни о чем. Авторы их, конечно, думают, что они «поднимают» какие-то общие вопросы, да еще на принципиальную высоту. Действительно, в статьях есть пареши, реющие над литературой. Это, так сказать, критика в беззреждном полотне мысли и воображения, критика в грани фантастики. Все же не плохо было бы припомнить, совершивший посажку с безгрифом принципиальных страстей на грани землю текущую литературу действительности. Ведь споры о конкретных произведениях, стоявших на концепции, и на этой основе выяснившиеся в действительности общих явлений и литературных закономерностей — этого у нас особенно нехватает. А в жизни, в отношении читателей и писателей к литературе, к разным произведениям вовсе не существует столь удивительной гармонии, которая в последнее время воцарилась в нашей газете и в журналах.

Своего рода рекордом высотного полета (но при полете без груза) является статья тов. Я. Рыбичева «Новогодние размышления». Нужно же умудриться возвестить наступление классической эры в советской литературе, не называя ни одного произведения, ни одноимением в качестве примера, и до такой степени заинтриговать читателя, что даже не изложив содержания трех рассказов молодого автора, которые привели автора статьи в столь сильное возбуждение.

«...более всего поразила меня в нем склонная устойчивость и гармоническая распределенность опыта, свойство, вообще говоря, присущее классике».

Вот именно, и только — «всобще говоря». Манера высказывания тов. Рыбичева напоминает детские игры. — А я что-то знаю, а я что-то знаю! — говорит маленький, выставивший перед девочкой. — Что же ты знаешь? — А я не скажу, не скажу! — Почему же ты не скажешь? — А вот и не скажу... — Мальчик ничего не скажет, потому что ничего такого особенного он не знает и никакой тайны у него нет. Он просто хочет быть «интересным» в глазах девочки.

В том же жанре критической фантастики выступает уже в следующем номере вашей газеты тов. А. Гуревич. Я имею в виду его статью «Чувство времени». Каждое прекрасное название! Если бы можно было составлять номер газеты из одних названий статей, то положительно ничего лучшего было бы придумать для такого экспериментального номера, чем название данной статьи Гуревича. Беда только в том, что кроме хорошего названия требуется еще сама статья, а то, что написано в «Литературной газете» вслед за Рыбичевым тов. Гуревичем, у Глеба Успенского иносит название: «Птицы у газеты».

«В наших книгах мало настроений. Мало размышлений, мало созерцательности. В них родится еще мысли человека, только действующего. Он работает, не покладая рук. Стремится, взрывается...» — утверждает тов. Гуревич. Поэтому следует бурная тирада против этого недостатка наших книг и авторов, никогда которых автор статьи тщательно оберегает. Но все-таки, что же это за таинственные книги? Кого вы имеете в виду, на которых вы настремаетесь? Да назовите же!

Пробую припомнить и хватается за статью «Литературный гол», в которой перечислены лучшие произведения за 1939 год. В их числе называется «Дикая собака Динго, или повесть о первой любви» Р. Фраермана. Разве в ней мало «папа-

на»? Редакция. В статье В. Перцова много суждений, которые редакция не разделяет. Статья печатается в дискуссионном порядке.

Н. АРДЕНС

Ревизия Пушкина?

В рецензии С. Бонди на мою книгу «Драматургия и театр Пушкина» («Литературная газета» от 5 октября) совершенно извращен образ Пушкина, как изображен и содержание моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент выказывает «одиозное» для Пушкина понятие — «правдоподобие». Это делается с целью унизить идею книги, сводящуюся к обоснованию роста пушкинского «истинного романтизма», т. е. реализма, который строится на «правдоподобии положений и правде истины».

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней» развития реализма. Пушкина от лицеистской поры до «Бориса Годунова» (на стр. 86, например, говоря о работе над «Вадимом»), я утверждаю, что это еще только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Рецензент иронизирует над словами «разоблачением», и т. п. И в том, что это большинство объема содержание моей работы, так сужено и сведено к теме о «разоблачении», сказались необъективность

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент выказывает «одиозное» для Пушкина понятие — «правдоподобие». Это делается с целью унизить идею книги, сводящуюся к обоснованию роста пушкинского «истинного романтизма», т. е. реализма, который строится на «правдоподобии положений и правде истины».

Рецензент иронизирует над словами «разоблачением», и т. п. И в том, что это большинство объема содержание моей работы, так сужено и сведено к теме о «разоблачении», сказались необъективность

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент выказывает «одиозное» для Пушкина понятие — «правдоподобие». Это делается с целью унизить идею книги, сводящуюся к обоснованию роста пушкинского «истинного романтизма», т. е. реализма, который строится на «правдоподобии положений и правде истины».

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней» развития реализма. Пушкина от лицеистской поры до «Бориса Годунова» (на стр. 86, например, говоря о работе над «Вадимом»), я утверждаю, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Рецензент иронизирует над словами «разоблачением», и т. п. И в том, что это большинство объема содержание моей работы, так сужено и сведено к теме о «разоблачении», сказались необъективность

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент выказывает «одиозное» для Пушкина понятие — «правдоподобие». Это делается с целью унизить идею книги, сводящуюся к обоснованию роста пушкинского «истинного романтизма», т. е. реализма, который строится на «правдоподобии положений и правде истины».

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-своему понятому, что я пользуюсь научными выражениями, которые опровергаю, в том, что я не могу видеть смысла моей работы. Ибо, утверждал, что «никакого развития в творчестве Пушкина, И. Н. Арденс не замечает», что, по Арденсу, «Пушкин в течение всей своей драматургической деятельности только тем и занимался, что хотелось ему» (стр. 82, 98 и др.), «система страстей», «правдоподобие чувствований» (стр. 100 и др.). А рецензент вы家都知道, что это еще

только «приближение» к реализму, «запечатленное в отрывках, какими-то отрывками из самого текста, утверждается, что это отрывок из «прекрасного» и «красивого»» (стр. 82, 98 и др.).

Беспристрастный читатель легко может проследить все мое изложение (хотя бы со стр. 33), касающееся «восходящих ступеней»

и искажение ее замысла, какое-то стремление к «разоблачению» по-

Иван Куратов

В 1857—1859 гг. в тетрах семинаристы Вологодской духовной семинарии рядом с конспектами богословских наук и заметками о латыни начали появляться стихи на звучном, мягком, но мало распространенном языке коми.

Семинаристы звали Ивана Куратова. Семинариста готовила служителей церкви, миссионеров для «духового покорения» малых народностей, входивших в бывшую парскую империю. Поэтому в семинарии учащимися преподавались языки народов, физически завоеванных империей, но еще не приведенных в «должный вид» морально.

Но вместе с греческим языком к семинаристам приходили Анакреон и Овидий, с французским — Вольтер и Дидро, с русским — Пушкин и Чернышевский.

Сын деревенского льякона, выученный Яренской бурсой, — в которой, кстати, будущих настырь пороли так, что рубаха прилипала к телу, кровь запекалась — Куратов с самого раннего возраста вознавидел духовенство, дав ему название «черной силы».

«А коли певцов не буду — лучше Воздуму топор, простишь с первом, И уж никак не буду ружьем, Рыгающим пономарем.

Пономарь из Куратова не получился. Онкончики семинарии, Куратов окончательно порывает с духовной карьерой. Он становится народным учителем церковно-приходской школы города Усть-Сысольска и беззастенчиво служит поэзии и своему народу.

Почему же Куратов, владея множеством языков — восточных и европейских, писал свою стихию только на языке коми?

«Когда есть народ, — пишет Куратов в своей заметке, — то ему нужно образование; познания же можно передать ему через его же язык... Нам нет дела до будущей участи этого языка, мы должны использовать его теперь, ибо он единственный орган распространения знания между зырянами... Что может быть проще того, что русскому надо учить на первых порах на русском языке? Известно, что зырянский язык не разви, что на нем свою учность показать нельзя... Им бы (т. е. ученым) показать только свою учность, а народная польза в стороне».

Мечты поэта о культуре народа коми сбылись только в наше время. Творчество Куратова в печатном виде дошло до народа коми только спустя 60 лет после смерти поэта. В 1932 г. в Сыктывкаре была издана первая книга стихов Куратова «Гизель чукэр» (собрание сочинений). Сейчас, в связи со столетием со дня рождения писателя, книги его выходят и на коми и на русском языках.

Работая учителем, Куратов вошел с руки и тщательно, залыши памфлетами обличает кость уездного мира. Публицистическая лирика Куратова в это время поднимается до открытого протesta против самодержавия:

Скорь, верим мы своей надежде,
Волнование нашей будет тема...
И поэма
Нам покажет красочней, чем прежде,
Ханжество в монашеской одежде,
Паризита, что народом правят,
Наш народ свой десницей давит...
О родном городе, заселенном «подлецами
и глупцами», Куратов говорит с искренностью и болью в сердце:

Город пошлый, город грязный!

Замстий твои копны
Сброд какой-то безобразный,

И глупцы и подлецы!

Песни Куратова на языке коми передались из уст в уста, их пели на деревенских вечерицах. Все это, естественно, не вкусило не по вкусу парским уездным сатрапам.

Куратова удалили в Среднюю Азию. За и гневна муга Куратова в стихах, обличающих тупость уездных чиновни-

ков, поповское ханжество, направленных против «паразита, что народом правят». И другой Куратов встает перед нами в стихах, написанных им на темы народной жизни. С какой теплотой и любовью относится Куратов к этим людям коми, у которых жизнь одно пенастье, к людям, «живущим после смерти счастья».

Куратов — не равнодушный наблюдатель. Он зовет вперед «добрый людей», близких сердцу поэта, подавливает их страхи, старается указать путем к душему:

Песню мы споем на диво
По лесным своим мотивам.
Где я веселые? Понишите!
Я научу, вы — подлыяните.

В Средней Азии Куратов пишет поэму «Записки слепого», в которой аллегорически сравнивает судьбу своего народа с судьбой мифологического фракийского царя Финея. Предание гласит, что слепой Финея был обречен на головную смерть, потому что лицу, приносимому ему, сдернули чудовища — гарпии.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Гарпии» погубили поэта. Туберкулез легких, 13 лет скитаний по городам Средней Азии были причиной его преждевременного конца. Перед смертью, в Алмате, взади от родины и близких людей, Куратов пишет стихотворение, полное мрачного раздумья:

Скорь в этот угол
Гроб поставят мой.
Ляжет в нем пневмодомы
Человек чужой.

Нигого родного,
Тихо бьют часы...

И никто у гроба
Не пролет слезы.
Унесут, зароят
В темную утробу...

Будто не бывало
Ни меня, ни гроба.

Умер Куратов в 1875 г., 36 лет от роду.

Литературное наследство поэта полностью еще не собрано. Не найдены рукописи «Яг-Морт» («Лесной человек»). До нас дошли только прибавления к ней. Не восстановлены некоторые лирические стихи раннего периода. Но и то, что собрано, позволяет судить о Куратове, как о крупном, широко образованном поэте, писавшем на языках европейских писателей на поэмы из языков Финея. Куратовым сделан ряд переводов из европейских писателей на коми-языки: из Гете, Шиллера, Бернса, Бранже, Вольтера; из русских: Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Жуковского, Крылова и др. Он переведил на коми-языки и песни Анакреона. Сохранилось много публицистических и философских высказываний его по различным общественно-политическим вопросам.

Куратов делает взгляды Чернышевского и Добролюбова; становясь на материалистические позиции в области искусства, резко осуждает Шиллера и Гете за создание теории «искусства для искусства». Он критикует Бокса и Адама Симта, выступает против идеалистических тенденций Шопенгауера, против идеалистической философии.

Крупнейший гератский художник того времени, Бехзад (называемый позже «Бехзадом Востока») оставил в своих миниатюрах очень много подробностей этой совокупной работы мастеров из фольклора коми. Все это входит сейчас в полное собрание сочинений поэта и становится достоянием народа. Столетний юбилей со дня рождения крупнейшего и первого народного поэта коми — Ивана Алексеевича Куратова, проводимый правительством и общественными организациями Коми АССР, есть одно из проявлений торжества ленинско-сталинской национальной политики, есть торжество социалистической культуры.

Куратовы на языке коми передались из уст в уста, их пели на деревенских вечерицах. Все это, естественно, не вкусило не по вкусу парским уездным сатрапам.

Куратова удалили в Среднюю Азию. За и гневна муга Куратова в стихах, обличающих тупость уездных чиновни-

ков, поповское достоинство мысли. Чтобы высказать очевидную для всех истину, он прибегает к эпитетам и сравнениям, награждая их без конца, и это тяжелит стих, делает его расплывчатым и вязким; и здравое, благородное суждение поэта уже выглядит правоучительным, риторическим.

В драматургии Куратов остается верен себе. Свою личность поэта, свои вкусы и принципы убежденного стихотворца он ставит выше испытанных и жестких законов сцены. А она, особой силой имеет за свою попранную эстетику. Перец Маркиша остается еще в театре. В «Хамеле» и в «Шатом горизонте» он только примеряется к его плоскадке. Браг старт. В «Семье Овади» он уже прошелся по сцене хозяином, с видом пеза-

Подготовка к юбилею Алишера Навои

Каждый новый литературный юбилей для широкой советской общественности не только знакомство с более или менее новым для поэтом, но и глубокий, всесторонний урок истории. Предстоящим нам в 1941 году два юбилея — азербайджанского поэта Низами Ганджиева и узбекского поэта Алишера Навои — дают возможность хорошо узнать из очень важных периодов в истории нашей родины — XII век (век Низами) и XV век (век Навои). И не только хорошо узнать, но и по-новому осмыслить, подойти к эпохам, почти не тронутым историками-марксистами, с новым плодотворным методом, с привлечением живого исторического опыта двух народов, азербайджанского и узбекского, наставив снова полнокровие жития после Октябрьской революции. Вот почему подготовка к этим юбилеям приобретает юбилейный интерес.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил Куратов в своих «Записках», подразумевая под гарпиями произвол царизма, покиравшего живую человеческую мысль.

«Пога живы гарпии, не будет счастья на земле», — говорил К

